

Его отец был жив. Дорогой покойный Джеймс Поттер, герой войны, который напал на самого Волдеморта голыми руками в отчаянной попытке защитить свою жену и сына, человек, о котором Гарри говорили, что он похож почти на всех, кого он встречал – не забывая, конечно, предостережение "но у тебя глаза твоей матери" – и человек, которого Гарри всегда, сознательно или нет, задавался вопросом, соответствует ли он, был жив.

Это только сейчас по-настоящему поразило его, подумал Гарри, глядя в окно. Был уже далеко за ноябрь, и осень сдавала свои позиции в Хогвартсе в пользу Зимы. Окна покрылись инеем, земля затвердела, грязь замерзла, вода на траве блестела, как бриллианты, в лунном свете, и если Гарри внимательно приглядится, он увидит, что озеро начинает замерзать у берегов. Неужели гигантский кальмар остыл? Он мог бы спросить либо Гермиону, либо своего дядю утром.

Это привело его обратно к отцу. Его чувства к отцу были довольно сложными из-за того, что он тоже был Тором. Хотя это во многом способствовало объяснению того, почему, черт возьми, его не было рядом, это также заставило мозг Гарри пройти через блендер. Иметь отца, который восстал из мертвых, – это одно. Иметь отца, который воскрес из мертвых, а также оказался настоящим божеством... что ж, это не только сводило с ума, но и означало, что Гарри ждет еще большая слава. Он был почти уверен, что следующий выпуск Ежедневного пророка будет кричать об этом, и он уже привлекал еще больше взглядов и перешептываний, чем раньше, взглядов и перешептываний, которые росли с экспоненциальной скоростью.

Итак, больше рекламы. Не из хороших, как могла бы сказать Баффи – ему понравилось это шоу. Миссис Фигг позволила ему посмотреть это, хотя, когда он совершил ошибку, сказав дяде Вернону, ремень появился, и он был заперт в шкафу целых два дня, отчаянно желая, чтобы его личная Баффи пришла выбить дверь, освободить его и надрать задницы дяде Вернону и тете Петунии. И Дадли в хорошей мере.

Он встряхнулся и сосредоточился на своих мыслях. В любом случае. Больше славы. Нехорошо. Но его отец ничего не мог поделать с тем фактом, что он был знаменит, и, эй, может быть, он мог бы научиться справляться с этим лучше. Некоторые вещи, о которых его дядя Локи – и это были два слова, которые, как он никогда не думал, занимали бы тот же ход мыслей, если не считать предыдущих праздных надежд на то, что Вернон и Локи встретятся, и Локи будет... ну, он не был уверен, на что надеялся, что Локи сделает с Верноном, но это было бы неприятно – сказал, что застрел с ним. Теперь он был принцем Асгарда. Он уже давно отбросил мысль о том, что это был лихорадочный сон, навеянный травмами в квиддиче, на том основании, что бессмысленно работать в таком предположении и что его жизнь была достаточно странной, чтобы это было возможно.

Но вернемся к его отцу. До сих пор обида за дополнительную известность, которую это принесло, и полный развод с любым подобием нормальности, гнев – иррациональный, признал Гарри, – что его не было рядом, когда Гарри нуждался в нем. Что он не обнимал Гарри, когда тот плакал в детстве, он не приходил, чтобы каждый раз уводить его от Дурслей, которые молча умоляли любого, кто слушал, чтобы кто-то спас его, кто-то любил его, кто-то играл роль отца и взял его за руку.

С другой стороны... он сочувствовал тому факту, что Один – его дед – удалил воспоминания его

отца, и Локи был связан тем фактом, что слово Одина было законом, а слово Одина, по-видимому, было для Тора временем, когда Джеймс не должен был воспитываться, насколько Гарри мог понять, чтобы Тор не сошел с ума от горя.

И было ясно, что, пока его отец был занят и улетел - что-то, что немного раздражало, пока Локи не объяснил, что он выясняет отношения с некоторыми из своих друзей на Земле, поскольку первое, что он сделал, когда ему напомнили о существовании Гарри, - это пойти к нему и остаться там - было также ясно, что он очень его любил. Он улыбнулся, вспомнив объятия своего отца, одновременно крепкие, как будто он никогда больше не хотел их отпускать, и нежные, успокаивающие, с ощущением поистине огромной силы, которую тщательно сдерживали. И этого, по мнению Гарри, было достаточно, чтобы оставить его в состоянии, когда он был счастлив со своим отцом. Конечно, я был в замешательстве - к этому еще предстояло привыкнуть, но этого следовало ожидать.

Он выглянул в окно и улыбнулся. Шел снег. Каким-то образом, просто каким-то образом, у него появилось ощущение, что его жизнь идет в гору. В конце концов, не так давно у него не было настоящей семьи. Теперь у него были отец, дядя и бабушка с дедушкой. Да. Жизнь смотрела вверх. Он забрался в постель и заснул.

Прошла неделя, и Гарри был взволнован. Профессор Дамблдор разрешил ему остаться с отцом на выходные и встретиться с друзьями его отца, Мстителями. Как и почти каждый другой ребенок в западном мире, и во многом за его пределами, он боготворил Мстителей. Его любимым был Локи - с темными волосами, зелеными глазами, магией и трагедией в прошлом, Гарри вполне мог отождествить себя с ним.

Ему нравился Железный Человек, потому что Тони Старк был веселым, и ему нравились Капитан Америка и Тор из-за фундаментальной доброты и порядочности, которые они излучали в каждом телевизионном выступлении и интервью. Он уже познакомился с двумя, которые по чистой случайности оказались его отцом и дядей, и собирался познакомиться с остальными.

Он все еще привык к тому факту, что у него действительно был отец и что ему больше не нужно было жить с Дурслями. Он также, по-видимому, покупал новую одежду, когда они были в Нью-Йорке. Локи сказал, что принц должен выглядеть как Принц, и что, по-видимому, есть много магазинов, как маггловских, так и магических, в которые они могут пойти. Гарри не возражал против идеи новой одежды - старые вещи Дадли были ему слишком велики - но больше всего он хотел провести время со своим отцом, что-то, что было немного ограничено в последние несколько дней, что его отцу пришлось восстановить контроль над хранилищами Поттеров и с помощью Локи объяснить, как он имел право на кровь, чтобы вернуть - и Гарри унаследовать - хранилища Поттеров и не распределять их между ближайшими родственниками, которые не были в Азкабанае. Этой родственницей оказалась Нарцисса Малфой, что сделало Драко родственником самого Гарри.

Когда-то это вызвало бы у Гарри крайнее отвращение. Но теперь, как он сказал Рону, "Малфой не так уж плох". Действительно, хотя Малфой и не пытался заговорить ни с ними, ни с Гермионой, он вежливо кивал, когда проходил мимо них в коридорах, и был вежлив в каждом из немногих разговоров, которые они вели.

Рон был подозрителен. "Он слизеринец. Они всегда что-то замышляют. Я имею в виду, ты замечательный дядя, но он всегда планирует, не так ли? И разве он не покровитель Слизерина?" он спросил.

"Да, но я думаю, что Малфой не строит заговор против нас. Я имею в виду, Рон, он был раздражающим хулиганом в прошлом, но он не глуп. И он слизеринец, он же не захочет идти против Локи сейчас, не так ли?"

Рон неохотно кивнул в знак согласия. "Он изо всех сил старался быть дружелюбным", - неохотно признал он. Для Рона слизеринец, который не проявлял активного антагонизма, изо всех сил старался быть дружелюбным.

"И он кажется старше. Умнее", - добавил Гарри. Он выглядел задумчивым. "Это произошло действительно внезапно, хотя..." Он покачал головой. "Я спрошу своего дядю. В любом случае, ты хочешь услышать о встрече папы и дяди Локи с гоблинами?"

Рон был, так что Гарри сказал ему.

<http://tl.rulate.ru/book/50916/1641787>